

Века прошлого память

Вячеслав Видякин

Как же оно быстро летит, это неумолимое время! Ведь ещё совсем недавно таким отдалённым будущим казался новый век. И вот пришёл его канун. И хоть понимаешь, что это всего лишь очередная смена даты, тем не менее что-то радостно-тревожное коснётся души и невольно становишься философом, поэтом, и, как писал классик, пальцы тянутся к перу, перо — к бумаге...

Прогулка в царицынском парке

Я не помню правила игры,
Ты не любишь,
 что игра без правил,
Мазохизма вянущей травы
 листьям не понять...
 ... они опали.

И секрет простого бытия...
И экстаз последнего полета
 втоптаны в ковер
 слегка жестоко
 слезами осеннего дождя.

Двери в лето колочу
 крест-на-крест
досками
 и крупными гвоздями...

И гудком
 прощальным
 и протяжным
огласила небо
 птичья стая.

Куртка как скорлупка,
Я — цыплёнок,
 что вернулся к дому.

Поддувает...
 ...холодно
 и нет еще силёнок
улететь к теплу
 за журавлями.

А синица
 воробьино скачет
по рябине,
 горькой без мороза.

Облака
 застыли над мостами
снежною
 холодною угрозой...

Я не верю,
 что игра
 без правил

Всё на Божьем свете
 неизменно:

череду смертей
и увяданий
сменит
цепь рождений
непрерывно.
Царицыно, октябрь 1999 г.

* * *

Зима!
Зима!
Захватывает дух...
Со снежной горки
лёгкий,
точно пух,
на санках
или просто на “фанере”
я в детство беззаботное ворвусь...
Вдохну морозный воздух
в полной мере
и вновь
на гору
сани подниму
для тех,
кто детство
вспоминать умеет...
Царицыно, декабрь 1999 г.

* * *

Похудел календарь:
два листочка осталось —
Их могу оборвать,
чтоб другим не досталось.
Их могу обнулить,
не стесняясь народа
Чтоб двухтысячный штрих
подарила природа,
Все зарубки учёл,
все засечки надставил,
Как седой Робинзон
остров свой не оставил...
Пусть висят на стене
и желтеют
и ранят
Два последних листка —
века прошлого память...
Царицыно, декабрь 1999 г.